



Сабля или Тесак

«Уважаемая редакция журнала! Хотелось бы обратиться к Вам со следующей просьбой, точнее – за разъяснением. Среди историков наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года в частности (как любителей, так и профессионалов, но не оружейников), давно ведётся спор: какой из двух терминов по отношению к европейскому оружию считать верным и более корректным – «тесак» или «полусабля»? В русской терминологии XVIII-го и начала XIX-го веков существовал термин «тесак», т. к. насколько известно из литературы слово (как и термин) «полусабля» появилось в русском языке уже во время правления Николая I – а как быть с европейскими аналогами данного вида холодного оружия? У тех же французов существовал термин «sabre briquet», но он больше относится не к собственно тесаку (или полусабле), а к комплекту «тесак-штык», располагавшемуся на перевязи пехотинца. Какой вариант более верен? Хотелось бы получить аргументированный ответ. Я понимаю, что хочу многого, но хотелось бы также услышать мнение ведущего специалиста в области истории холодного оружия Кулинского Александра Николаевича, если это конечно возможно...»

С уважением.

(К сожалению, автор письма не указал свои имя и фамилию)

Вот как прокомментировал этот вопрос главный хранитель фондов Артиллерийского музея Санкт-Петербурга Александр Николаевич Кулинский.

«Суть вопроса, как мне представляется, заключается в следующем: как правильно называть европейское холодное оружие с искривленным клинком средней длины, использовавшееся в европейских армиях в XVIII-XIX вв.

Путаница в этом вопросе во многом объясняется особенностями оружейной терминологии в некоторых европейских языках и в русском языке. Далеко не во всех случаях прямой перевод по словарю позволяет правильно именовать тот или иной образец холодного оружия. Как правильно отметил читатель, французский термин «sabre briquet» относился к комплекту «холодное оружие-штык». Определяющая, главная часть этого термина всё-таки «sabre» (сабля). Поэтому французский образец мы именуем саблей. А вот его русский аналог обр. 1817 г. был изначально, в момент принятия на вооружение, назван тесаком, и именовался только так. Поэтому мы должны называть русский образец 1817 г. тесаком. Необходимо придерживаться официальных терминов, использовавшихся на момент принятия какого-либо образца на вооружение. Или, по крайней мере, оговаривать существование такого термина. Так, например, в книге «Русское холодное оружие XVIII-XX вв.» упоминаются использовавшиеся в XVIII в. названия «шпага с кривым клинком» (Шпага пехотная офицерская обр. 1786 г.) и «шпага с тесачьим клинком» (Тесак пехотный солдатский обр. 1756 г.), но оперировать ими в настоящее время было бы неправильно. С точки зрения современной оружейников терминологии и классификации такие названия просто неграмотны, непрозрачны (прозрачность – одно из важнейших требований к любому термину в любой области знаний).

Возвращаясь к французской пехотной солдатской сабле обр. IX г. и XI г., напомню, что ее незначительно переделанные варианты состояли на вооружении и в других европейских армиях – датской, испанской, голландской, армиях немецких государств, а также в австрийской полиции. Все эти варианты официально

именовались саблями, даже образцы с прямыми клинками! Это явствует из солидных монографий-определителей, изданных в этих странах. Так и следует именовать эти образцы. Кстати, соответствующие эквиваленты термина «полусабля» в датском, испанском, немецком, голландском языках практически не использовались.

В русской оружейной лексике термин «полусабля» впервые стал использоваться, даже иногда в официальных документах, применительно к пехотной офицерской сабле обр. 1826 г., но ни в коем случае не в момент принятия её на вооружение! Позволю себе полностью привести приказ начальника Главного штаба Дибича о принятии на вооружение пехотной офицерской сабли в 1826 г.:

«Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: во всех гвардейских пехотных полках и батальонах и гвардейской пеший артиллерии вместо шпаг, ныне употребляемых, носить пехотные **сабли** (выделено мной – А. К.) по образцу, высочайше утверждённому; господам же генералам, имеющим право носить гвардейские пехотные мундиры, с оными только носить также пехотные **сабли**.

О сей высочайшей воле объявляется по всей армии к надлежащему сведению и исполнению» (Собрание законов и постановлений, до части военного управления относящихся. 1826. Кн. IV. СПб., 1826, с. 95).

Исходя из длины клинка этого образца, его вряд ли можно отнести к так называемым полусаблям. Не исключено, что такое полуофициальное наименование образца 1826 г. несколько позднее получил из-за того, что он был значительно легче кавалерийской сабли и к тому же имел пехотную или шпажную (т. е. в лопасти) подвеску.

Возможно, читателям журнала небезынтересно будет узнать о том, что именно пехотная офицерская сабля обр. 1826 г. впервые получила жаргонное наименование «селёдка», впоследствии перешедшее и на полицейские шапки. Произошло это во время Крымской войны, в которой в полной мере проявились недостатки некоторых образцов русского оружия, в том числе и этой сабли. И это нашло отражение в воспоминаниях современников: «Когда прошло первое тревожное впечатление неожиданной тревоги, когда опасность для каждого из нас достигла до той степени, при кото-



1 – французская пехотная сабля М XI,
2 – русский пехотный солдатский тесак обр 1817 г.
3 – русская пехотная офицерская сабля обр 1826 г.

рой перестайшь сознавать её и начнешь действовать как бы вне всякой опасности, молодой, недавно выпущенный, офицер видимо вспомнил требования устава и не без усилия извлёк из ножен полусаблю, то есть то единственное в 1850-х годах офицерское оружие, которое носило презрительную кличку «селёдки». Это невинное оружие оказалось, к тому же, красным от ржавчины, его обильно покрывшей. «Селёдка», извлечённая из ножен, вызвала добродушный смех окружавших офицера стариков-стрелков. «Не надо, ваше благородие, не надо; и без неё прогоним», говорили они. Офицер вложил своё оружие в ножны и взялся за штуцер» (Коховский В. Дело 22 мая 1854 года под Силистрией. – Русская старина. 1891. Т. 69, с. 700).

И ещё один отрывок: «Известно, что почти до последних лет царствования в бозе почившего императора Александра Николаевича наши пехот-

ные армейские офицеры (кроме офицеров кавказских войск) в сущности ничем не были вооружены и бывало хаживали на войну и битвы, как говорится, с голыми руками, так как **нельзя же было без шуток признавать саблей так называвшуюся тогда полусаблю, которой был вооружён офицер?** (выделено мной – А. К.) Девять десятых этих полусабель гнулись при малейшем усилии, как проволока... Случалось, что у двух, много у трёх офицеров в полку были форменные полусабли с золотыми клинками или переделанные из черкесских шапек...» (Алабин П., В. В. Сикорский и Ф. Ф. Негребицкий офицеры генерала Хрулёва в 1855 г. – Русская старина. Т. 61. 1889. С. 105-106).

Возможно, мой ответ слишком пристрастен, но вопросы оружейной терминологии действительно слишком важны, чтобы можно было ограничиться несколькими фразами». ❧